

3 АПР 1980

ВО ИМЯ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

(Юрию Нагибину — 60 лет)

ЮРИЙ Нагибин относится к числу наиболее известных наших писателей. Яркие запечатлелись в сознании читателя рассказы, написанные в 50-х годах: «Зимний дуб», «Комаров», «Трубка», сразу же ставшие хрестоматийными. Широкую популярность приобрел цикл рассказов 60-х годов «Книга детства».

Вспоминая написанное писателем за сорок лет, восхищаешься замечательным мастерством, его постоянной преданностью насущным вопросам современности, многогранностью таланта.

Говорить о мастерстве рассказчика Нагибина — это прежде всего говорить о безошибочном чувстве, а часто о предчувствии жизненных проблем.

Одним из первых вышел, например, Нагибин к проблемам экологии — сложных связей человека с природой. Еще самые ранние юношеские рассказы его, как, например, «Кнут», который автор почему-то не включает в свои сборники последних лет, вносят в эту проблему такую долю глубокого психологизма, что диву даешься — откуда тогда, в начале сороковых годов, у юного, малоопытного еще писателя обнаружилось такое тонкое понимание и предвидение значительности вопроса.

Опыт Нагибина — рассказчика (а писатель сам считает себя прежде всего и более всего именно рассказчиком) вобрал в себя яркое своеобразие всех национальных черт русского рассказа. Отсюда и присущий Нагибину широкий тематический диапазон, и многое другое. Но никогда нельзя сказать о нагибинском: вот — тургеневская фраза или бунинская интонация, а вот — чеховский прием композиции, лесковская нота. Нагибин не из тех писателей, кого можно и нужно «привязывать» к кому-то конкретно. Хотя он, как всякий художник, являет собой звено в общей цепи развития искусства и соотносим со своими предшественниками и современниками. Ощущаемое в раннем периоде его творчества воздействие — и очень сильное! — А. Платонова, плодотворное на первом этапе, преодолено писателем довольно скоро.

Критика — да и читатели — часто представляют Нагибина писателем, выросшим под воздействием лишь города и его литературной среды. Тому были основания в биографии писателя, в его близости к литературной среде: в частности, большую роль в его жизни сыграл литературный наставник Я. Рыкачев, достаточно известный в тридцатые годы литератор. Но в жизни Нагибина были и другие наставники. Прежде всего это — описанная им в «Книге детства» няня Вероня. Она научила его слышать и любить просторечье, она ввела мальчика в круг своей многочисленной рязанской родни, которая подолгу жила в семье писателя. Деревенская жизнь, деревенский человек со всеми его заботами, нуждами, радостями давно был знаком Нагибину как по впечатлениям детских лет, так и по долгой работе корреспондентом в газетах «Сельское земледелие», «Сельская жизнь».

Повести «Павлик», «Далеко от войны», рассказы «Гибель пилота», «Где-то возле консерватории», многие произведения Ю. Нагибина последних лет несут в себе память о целом поколении, вынесшем тяжесть и удары войны, о поколении победителей. В «Книге детства» множество рассказов посвящено светлой памяти тех «друзей бесценных», кто не вернулся с войны. Довоенная Москва встает со страниц рассказов о детстве почти в энциклопедическом объеме — по одним только этим рассказам будущие поколения смогут понять истоки народного подвига, истоки Победы в Великой Отечественной войне, потому что прочитают здесь о том, как исподволь, но каждодневно передавался опыт времен революции, гражданской войны такими старшими друзьями ребят, какими были коммунист, рабочий типографии Данилыч из рассказа «Страшное», какой была «дворовая скорая помощь» тетя Поля, каким были отец Ленки-атамана...

Сильным рывком Нагибин к самому себе стал цикл его охотничьих рассказов. В них высоко и чисто прозвучала нагибинская интонация.

Писателя интересовали прежде всего морально-этические, нравственные аспекты проблемы «Человек и природа». «Поведение человека на природе во многом определяет и его поведение среди людей» — так считает один из любимых автором героев этого цикла егерь Анатолий Иванович, и писатель с ним полностью согласен.

Нагибин любит «мещерцами», «плещеевцами», но чужд стремления их идеализировать. Он прочно прикипел к их жизни, красоту их он хорошо видит, пишет о них с нескрываемым любованием, но и недостатков их не скрывает. Взгляд его на деревенскую жизнь и людей в ней — не со стороны, этим и подкупает авторская позиция, потому так безусловно веришь писателю в его рассказах о красавце Васье («Молодожен»), о добрейшем Петраке («Петрак и Валька»), о мятушемся Валькове («На тихом озере»).

К этому циклу примыкает и фильм «Председатель», с характерами — Егора Трубникова и его брата Семена — носителями двух полярно противоположных взглядов на жизнь. Коллективистское начало в Егоре столь же убедительно выражено, как индивидуалистическое — в Семене. Их схватка — не на жизнь, а на смерть — как и вообще столкновение этих двух начал в жизни. Пафос писателя — в отвращении к мелкобуржуазности, в презрении, в активном противодействии всему мещанскому — здесь предстает, как, может быть, нигде в других его произведениях, в наиболее открытом, яростном противоборстве.

Отношения Нагибина с кино — продолжительные, непрерывающиеся, по его сценариям сняты фильмы «Ночной гость», «Самый медленный поезд», «Девочка и эхо», «Директор», «Чайковский», «Бабые царство», «Дерсу Узала».

В большом цикле рассказов и повестей о людях литературы и искусства прошлого мы обнаруживаем новые особенности художественного таланта и мышления писателя. Нагибин всегда стремился вывести нас за пределы чисто творческих вопросов, растворяя их в проблемах более широких: в проблемах человеческого бытия вообще. Размышления о цене слова, об общественных возможностях и обязанностях человека. Нагибина влечет к прошлому мысль о сущности искусства. Об истоках и устремленности искусства к добру, красоте, истине. Так, рассказы и повести о русских поэтах и прозаиках воспринимаются, как «Слово о русской литературе», ее пафосе, о сути российского писателя, о психологии его творчества.

В последнее десятилетие Нагибин написал произведения с сильным элементом фантастического: «Ты будешь жить», «Пик удачи», «Чужое сердце», «Среди профессионалов».

Для Нагибина обращение к фантастическому — способ выйти к новой метафоре. Думаю, со мною согласится каждый, кто прочитает хотя бы его рассказ «Чужое сердце». Как развернутую метафору воплощения сердечных соединений, сердечной близости между людьми, необходимости ее для человека прозвучал сюжет о человеке с пересаженным, чужим сердцем. В рассказе о молодежи БАМа (Нагибин известен как «непоседа», и его маршруты в поисках жизненного материала — от норвежских фьордов до бамовской столицы Тынды) шофер Вася будто бы слышит далекий голос своей любимой, — все это по существу реально — разве не так звучат в нас самих голоса людей, любовью к которым мы живем?

Через простое, будничное, порой сугубо внутрисемейное Нагибину удается передать всю сложность нашего бытия, богатство душевного наполнения нашего современника. В этом отношении замечателен рассказ «Берендеев лес». Однажды в рассказе Нагибина «О чем думал герой?» — одном из рассказов о Гагарине, встретилась фраза: **«Да есть ли что малое в державе нравственности?»**. Для Нагибина нет малого в этой великой для нашего государства, которой он служит вот уже больше сорока лет.

И. БОГАТКО.